

на «За заслуги перед Отечеством II степени» — за заслуги перед государством, большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами, многолетнюю плодотворную деятельность в области культуры и искусства.

25 мая 1997 г. ему исполнилось 72 года. Было много звонков, пришли дети, внуки, друзья. Ему трудно было уже общаться со всеми за столом, извинился, пошёл лёг, а меня попросил занять гостей.

Очень был рад, что пришли юные друзья, — поэты из молодёжной студии, не помню их имен, человек 10. Он с удовольствием занимался с молодыми, не зря в старые времена ЦК ВЛКСМ регулярно приглашали его в Москву в ЦКШ читать курс «Ораторского искусства».

А 3 июня 1997 г. его не стало.

Жизнь продолжается. 8 лет как нет его. И в то же время есть — не проходит дня, чтобы в семье не вспомнили его по разным случаям, а больше от тоски, что нет нашего доброго, умного друга, мужа, отца, дедушки, а правнук, приходя в гости, здоровается с ним, вернее — с портретом на мраморной доске.

*Роза Петровна РУДИНА,
вдова В. Г. Рудина,
июнь 2005 г.*

КАК Я БЫЛА МИЛЛИОНЕРОМ

Как становятся миллионерами? По собственному опыту знаю: их назначают. Лично меня в этот класс определил Виль Григорьевич Рудин. Сам-то он миллионером так и не стал — как я теперь понимаю, ему просто было некогда. Мне вообще ни до, ни после не довелось встретить кого-нибудь, более занятого и более организованного, чем он. Это воистину был человек-часы, или, скорее даже, — человек-секундомер. С ним не просто было договориться о небольшой встрече. В его записной книжке всё было плотно расписано на много дней вперед.

— Нет, — вздыхал он в телефонную трубку, — на этой неделе — ну никак! Давай на следующей... скажем, во вторник. В 15.00 у меня лекция. Выйду пораньше. Встречаемся на крыльце почтамта (мне по пути, и тебе близко) в... так — в 17.27. У нас будет 13 минут, вполне достаточно, все успеем обсудить.

«Обсудить» нам с ним предстояло всего-навсего

какую-нибудь очередную страну: что в ней самого интересного, кому и как об этом лучше рассказать, какие для того иллюстрации привлечь, организовать выставки, продемонстрировать фильмы, задействовать самодеятельность и много еще чего. Тогда только-только распахнулись двери в мир, был настоящий бум зарубежного туризма. Кемеровские любители заграничных путешествий организовали свой клуб. Возглавлял его много лет Рудин, я же состояла в его рядах. Основная наша работа была — телевизионные передачи и вечера, посвященные той или иной стране мира. Главным идейным вдохновителем, практическим организатором и ведущим и там, и там был Виль Григорьевич. Нет, ему-то самому путешествовать по миру довелось, к сожалению, немного — возможностей к тому не было. Однако в разговоре о любой стране он мог заткнуть за пояс любого, изъездившего планету вдоль и поперёк. И дело вовсе не в том, что был он блестящим лектором-международником. Его интересы простирались значительно шире политики и дипломатии. Знания Вили Григорьевича были поистине энциклопедическими. Казалось, никакой вопрос не мог поставить его в тупик. Он знал всё: когда построен собор Петра и Павла, сколько каменных блоков в пирамиде Хеопса, какой длины Великая китайская стена, какой высоты Эйфелева башня, какие картины написал Матисс или Дюрер?

Какой же опорой для нас, каким прочным фундаментом оказались эти уникальные многогранные рудинские знания в работе над «Ковчежами» — серией хрестоматий для самых маленьких, начинающих читателей! Как, впрочем, и его организованность, и строжайшая дисциплина. В работе он был неустанным, неиссякаемым. Того же требовал и от нас, своих сотоварищей. По возрасту Виль Григорьевич был значительно старше всех нас. Однако паспортные данные и неугомонная юношеская энергия никогда у него не совпадали. Мы все спешили за ним и не всегда поспевали.

В работе за писательским столом Рудин был так же предельно организован, держал себя в строжайшей узде. Однажды мы с ним одновременно оказались в Пицунде, в Доме творчества писателей. Разные корпуса, только столовая да пляж общие. Там и встречались. Что еще нужно сибиряку, дорвавшемуся до южного солнца и теплого моря? Попробуй-ка вырви меня оттуда!

— Ты чего это, Виль Григорьевич, — кричу, барахтаюсь в волнах, — ты чего это уходить засобирался? Все равно же обед скоро!

— Нет, — смотрит он на часы, — до обеда — целых полчаса. Так что 25 минут еще вполне можно за столом поработать.

— Ну, — не сдаюсь я, — за это время и настроиться-то не успеешь!

— Работать надо, работать, а настрой в процессе сам придет, — бросает Виль Григорьевич, уже обернувшись, и спешит трудиться. Дискутировать ему некогда.

Человек-секундомер, он вовсе не был человеком-машиной, бездушным роботом. Поразительным образом строгая самодисциплина и незабываемая пунктуальность уживались в нем с безудержной эмоциональностью. Именно души в нём на многое хватало. Он многим по-настоящему увлекался, во многое влюблялся. Любовь к путешествиям была не единственной его страстью. Он был неистовым филателистом, нумизматом, любителем живописи. О какой-нибудь маловыразительной на вид марке он мог рассказывать без конца: знал досконально ее биографию — откуда родом, сколько и где носило ее по миру, что довелось ей повидать и пережить». У него была хорошая коллекция марок. При всей его занятости каждое воскресенье он спешил на встречу с такими же, как сам, одержимыми страстными филателистами. И среди них был он авторитетом.

Страстно любя и прекрасно зная мировую живопись, Виль Григорьевич не имел возможности коллекционировать картины. Зато собрал прекрасную подборку альбомов с репродукциями, тщательно следил за выходом каждого очередного и старался приобрести.

Эмоции, живой интерес до самого конца своей жизни сохранил он в отношениях с людьми. Умел радоваться чьим-то успехам, огорчался неудачам, остро переживал чужие несчастья, всегда старался помочь в трудную минуту. Эту его черту характера мне в полной мере довелось ощутить на себе.

Случилось это в начале 90-х — в то лихое зыбкое время, когда все в жизни перевернулось, многое рухнуло, кончилось — по крайней мере, у нас, писателей. Издательства умерли, книги наши, ещё не рожденные, — тоже. Журналы замолкли, гонорары отменили. Общество «Знание», где я читала лекции и тем зарабатывала, приказало долго жить. Источники жизни иссякли как-то разом. Настроение переполняло соответствующее.

Шли мы однажды как-то вместе с Рудиным из родного Союза по домам (нам — по пути). Заглянули в хлебный на Советском. Я отоварила буханкой. Он мой выбор очень не одобрил: никудышный, мол, это хлеб, плохой у меня вкус. Порекомендовал взять другой, посоветовал ещё и батон хороший. Настроение у меня и без того было предгрозовое, а тут и прорвало:

— Спасибо за совет! Только батоны я давненько не беру, разлюбила, знаете, как-то. А хлеб покупаю

самый дешевый. Мы ведь уже год почти с сестрой живем на ее пособие по безработице.

И тут Виль Григорьевич, всегда такой выдержанный, деликатный, ужасно на меня рассердился, начал почти кричать:

— Ты почему, почему не сказала мне этого раньше?!

— Да потому, что это вовсе не то, чем стоит похвально!

Разошлись, помнится, не попрощавшись.

Дня через два-три он позвонил мне:

— Записывай телефон. Новосибирск, Союз писателей, точнее, Сибирская писательская ассоциация, сокращенно СПАС. Многих спасает и тебя спасет. Да не за просто так — работать будешь, деньги зарабатывать. — И, чуть помолчав, закончил неожиданно: — Хорошо поработаешь — миллионером станешь!

И началось! Я превратилась в тетку с сумками — их множество тогда вдруг возникло. Из Новосибирска машинами и контейнерами слали книги, а я их тут по магазинам пристраивала — рекламировала, уговаривала взять, а после в сумочках этих самых на себе и разносила. Транспорт, если и пользовалась, то исключительно трамваем — он подешевле автобуса.

Ах, сколько слов умильных было наговорено про каждый детективчик кроваво-заковыристый, про каждый романчик любовно-упоительный! Они тогда только-только волной прихлынули к нам в провинцию, приведя в смятение неподготовленные читательские сердца. А сколько покорено тонно-километров! На сколько раз пройден родной город с полнешенькими, словно свинцом налитыми сумками! Сколько пережито разочарования, когда всюду в ответ — только «нет» и надобно отсылать всю партию назад, а это значит: всё — снова в сумки и на вокзал! Но и сколько радости было, когда позвонили из Новосибирска и похвалили за работу. Пошли-таки наконец денежки из кемеровских магазинов! А потом — и вовсе сказочное: велели в каком-нибудь банке открыть счет, чтобы отчислять туда мою долю. Тут, кстати, губернатор (ещё тогдашний — Кислюк) и банк подсказал, где нам денежки свои хранить — мол, пойдут они на развитие родного Кузбасса. Я — патриот, послушалась.

Сумма оказалась для меня неслыханная — теми деньгами несколько миллионов. Сбылось-таки предсказание Рудина, стала я миллионером. И уже не то что батон хороший — булочки с изюмом лихо покупать могла. Но скоро поняла, что жизнь у миллионеров совсем даже не простая. У начинающих — особенно. Как распорядиться своими миллионами, куда правильно потратить — просто ум набекрень. К нарядам мы не приучены, из деликатесов знаем в ос-

новном булочки. На жите-бытьё уходит немного. Ну, книг подкупила (не тех, что в сумках таскала, — других). Ну, съездила наконец-то по Золотому кольцу, посмотрела Суздаль с Владимиром. А дальше? На другое как-то фантазии не хватало. Решила: пусть себе лежат в банке, Кузбассу помогают, да еще и проценты хорошие идут. Вот наберётся побольше — ещё и за границу съезжу.

Но тут наметились явные расхождения с моим наставником. Виль Григорьевич всячески призывал деньги из банка взять, все новые банки обзывать пирамидами и страшал, что все они не сегодня-завтра рухнут. На моё упорное «Но ведь сам губернатор»... — он выразительно смотрел и только повторял: «Я тебя предупредил». Но мы, миллионеры, народ настырный, у нас — свой расклад. Я не вняла. Как известно, рудинское пророчество сбылось. Банки рухнули, любимый губернатором — тоже. От моих миллионов не осталось и копейки. Мое короткое пребывание в стане миллионеров закончилось. И больше уж никогда не повторится. Увы, Вилия Григорьевича уже нет, и назначить меня миллионером некому.

Любовь СКОРИК

СВЕЧА ПИСАТЕЛЯ ВИЛЯ РУДИНА

Однажды Лев Толстой, уже будучи в зените своей славы, пожаловался другу Николаю Лескову: мол, известно мне стало писать про людей, которых не было и которые ничего такого не делали, что я им приписал (проще говоря, сочинительствовать, «брать из головы»).

Знал ли Виль Григорьевич об этой странной «жаlobe» классика, за плечами которого были уже и «Анна Каренина», и «Воскресение», и «Казаки»? Не знаю. Но сам он писал, исключительно опираясь строго на документ, на факт, на историческое свидетельство. То есть писал о реальных людях и реальных событиях. Таковы почти все романы — от первого «День Икс» до

последнего «Три года дьявольщины» в двух книгах («Земной круг», 1996 г. и «Волею небес», 2004 г., последняя книга уже посмертная).

Роман «Три года дьявольщины», кстати, стал и лучшей работой писателя, именно в нем документальность крепко сливается с остросюжетностью и добротной художественностью.

Хочется подчеркнуть, что начинал писатель-документалист в те приснопамятные нам времена, когда фальсификация истории (особенно советского периода) была возведена в ранг государственной политики. И когда «добыть» какой-то серьезный архивный документ было равносильно подвигу.

В жизни Виль Григорьевич был непоколебимым оптимистом. Помню, он любил «цитировать» крылатое выражение: «Лучше зажечь одну-единственную свечу, чем проклинать темноту». И сам следовал этому правилу всю свою творческую жизнь.

Свидетельство тому, что писатель Виль Рудин зажег свою свечу и она горит — это его замечательные книги, которые он оставил нам с вами.

Владимир МАЗАЕВ

Виль Рудин среди писателей. Слева направо: В. М. Баянов, В. В. Махалов, В. Г. Рудин, А. Н. Волошин.